

МИРАЖИ ПУСТЫНИ

© 2019 С. ПРОЖОГИНА

DOI: 10.31857/S032150750003739-4

Мотив Пустыни в творчестве магрибинских авторов XX-XXI вв. - один из самых распространенных. Пустыня в литературе XX в. была пространством Преодоления, поисков выходов к новым горизонтам. Для многих писателей Пустыня сливалась и с образом Чужбины, где человек обречен сносить ее враждебность. В книге Т.Бекри «Сумерки Пустыни» совмещен мотив Древней Пустыни, обещающей в конце пути Оазис, с истерзавшей ее современной войной в Сирии, залившей ее кровью безысходности и бесконечной вражды.*

Ключевые слова: творчество франкоязычных магрибинцев, Пустыня, как метафора Перехода, Преодоления, поиска Оазиса, современная метафора Войны

MIRAGES DU DESERT

Svetlana V. PROZHOGINA, Dr.Sc. (Philology), Chief Research Fellow, Department of Comparative Culturology, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (svetlana.projogina@mail.ru)

Resumé: L'article analyse le livre récent des poète tunisien Tahar Bekri «Le Desert au crépuscule» (P., 2018). Dans la grande tradition poétique arabe qui est évoqué par la beauté du Désert, ce livre s'appuie sur les mirages des Oasis et leur Réalité et se soulève contre une réalité de Guerre habitée par la volonté de la Mort. Le Présent macule par le sang toute l'histoire des recherches du bonheur dans les sables ardents du Désert et le Poète se revolté contre tout qui aggloutit les traces des Oasis, des palmeraies couverts du poussière noire, de la nudité mortelle du corps si beau de l'espace ensoleillé. Les batailles en Syrie d'aujourd'hui transforment en traces sanglants tous les passages envers les recherches des Oasis et couvrent par les bannières de Mort le ciel autrefois plein des Mirages heureux. Les hommes, échoque le Poète, doivent acquérir leur volonté de surpasser des obstacles du Désert et de marcher envers les horizons nouveaux négligeant les sables arides couverts de traces des chars et la soif mortelle, provoquée par le feu des armes.

Les mots clés: l'espace littéraire du Désert dans l'œuvre de Maghrébins francophones, la métaphore du Désert en tant que la Traversée, le Surpassement, la Résistance, la Recherche de l'Oasis, le Mouvement vers les horizons nouveau. La métaphore du Désert dans le livre de Bekri est la Guerre, l'absence de la vie et de théâtre de bataille entre la mort et les visions du Passé comme mirages du Bonheur

Мотив Пустыни - один из главных мотивов литературы франкоязычных магрибинцев, родившейся на исходе колониальной эпохи, по разным причинам. Они - алжирцы, марокканцы, тунисцы - средиземноморцы, но пустыня словно наползает, окружая этот регион, подступая к нему с юга, составляя значительную часть территории Магриба, влияя и на его климат, и на образ жизни народов, его населяющих, на их культуру, даже на их внешние различия. Те, что с юга, - темнее, отличаются до сих пор своими обычаями, своей музыкой, своим особым чувством гордости за то, что их племена, когда-то жившие в Сахаре, дольше всех сопротивлялись нашествию колонизаторов и покорились французам не в 1830 г., а на тридцать лет позже...

Но Пустыня как литературное пространство возникает в творчестве магрибинцев, занимая

особое место, не только благодаря свойствам почти неодолимых просторов (раскаленных днем и холодных ночью), где песчаные дюны сливаются с бесконечностью горизонтов, а высокие и острые скалы и каменистые плато закрывают, казалось бы, их суровой безнадежностью, но и именно вопреки им. Там, где почти нет дорог и выходов, лишь песчаные эрги да каменистые рэги без края, проложенные еще по когда-то сохранившимся караванным тропам, кажется, что существуют только просторы бескрайнего моря песков. Поэтому именно Пустыня с 50-х гг. XX столетия становится сквозной метафорой в литературе Преодоления трудностей новой жизни, как бы «увявшей» в старых традициях, сопротивляющейся новому времени и его вызовам, метафорой сопротивления и обретения нового пути, испытанием человека, его способности к поискам выхода к *открыто-*

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна, доктор филологических наук, гл.н.с. Института востоковедения РАН. РФ, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12 (Svetlana.projogina@mail.ru)

* Le Désert au crépuscule. P., 2018.

му горизонту, где дышит вольный ветер на просторе свободы. Пустыня в литературе оказывалась дорогой от безжизнью, от обреченности человека на забвение в песках всеисильной Традиции, погруженности в бездну удушливого и вязкого мира «песков», символизировавших *безвозвратность* (*sans detour*, по выражению М.Диба), утрату надежды на обретение новой жизни.

Но Пустыня могла в своей кажущейся неодолимости и стать местом встречи Человека «с самим собой», с пониманием своей сути и своего предназначения, своего собственного «маршрута жизни» по ее бесконечному одиночеству...

Всё перечисленное выше - в книгах самых известных магрибинских писателей, которые в тяжелые минуты жизни порой использовали эту метафору даже как выбор между жизнью и смертью. Так было в книгах и Малека Хаддада [1] и Мохаммеда Диба [2], и Тахара Джаута [3], и Альбера Мемми [4], и Мулуда Маммери [5], и Рашида Буджедры [6], и Малики Моккедем [7], и Суад Бахешар [8], и Ясины Хадры [9], и мн. мн. др.*

Мотив Пустыни был для них не только связан с простором их родных или знакомых мест, но пространством испытания воли, звавшим к преодолению препятствий, удивившим мечту к далеким горизонтам, рождавшим желание добаться до «высот небесных миражей» и окунуться в реальность Оазисов (не случайно, отправляясь в ссылку, Малек Хаддад взял с собой мешочек с песком из пустыни, храня его до конца своих дней).

Но, как отмечалось выше, горячие пески становились иногда в творчестве писателей и замещением на «холодный мрамор снегов» Чужбины (роман М.Диба «*La neige de marbre*») и символом безвозвратности утраты надежды на выход к Новой жизни (М.Диб, «*Le Desert sans detour*»), или «*тупиковостью*» Жизни в песках ее безнадежности на все попытки что-либо изменить к лучшему (А.Мемми, «*Le Désert*»). Часто так было и в творчестве поэта Т.Бекри, когда его любимое Море уподоблялось пустынной бездне, а не возможности обретения Счастья на его берегах, возможности «бросить якорь», а не разбросать «осколки сердца в океане странствий». Уподобление себя «капле крови на асфальте реки чужого города» - это печальный итог попыток Человека выбраться из Пространства Потерянности в песках Жизни. Поэт родился на окраине Тунисской Сахары, неподалеку от г. Габеса, но обрел лишь чувство соб-

ственной утраты «между двух миров», когда оказался в ссылке на Западе**.

БОЛЬ ПУСТЫНИ

Однако мотив Пустыни или «пустынности жизни» всегда был сопряжен в творчестве магрибинских писателей с чувством боли человека, переживающего ту или иную ипостась метафоры пространства «раскаленных песков» (будь то необходимость их преодоления, или обреченность на безвыходность, или отчуждение, или, наоборот, обретение себя в бесконечности жизненных препятствий...). Здесь же, в новой книге Т.Бекри - «Сумерки Пустыни» - воспеается *боль самой Пустыни*, а не попытки человека преодоления «миражности» ее обещаний, ее бескрайности, ее безвыходности. Здесь, на страницах 39 небольших стансов - настоящий *плач* по Пустыне, не воспевание ее как в аравийской лирике, где красота «луноликой» Возлюбленной - венец достижения счастья и обретения Оазиса как абсолюта проекции рая на земле. Не мелодия безумной страсти Меджнуна к своей Лейле, но истинная реальность утраты самой идеи Пустыни как возможности перехода...

В «Сумерках Пустыни» - ноты другого звуко-ряда, другой гармонии, здесь только слезы по истерзанной войной земле, исполосованной танками, залитой кровью, изуродованной разрушением Пальмиры и древних мавзолеев, хранилищ бесценных рукописей и памятников старины, усыпанной телами тех, кто сопротивлялся игиловцам, перерезавшим горло «неверным», не желавшим идти *назад*, к абсолютно другой жизни, звавшей не к далеким горизонтам Надежды, но к дремучему средневековью...

Война в Сирии, казалось бы, «не своя» для магрибинцев, перенесших немало испытаний за последние десятилетия (в т.ч. и гражданскую войну с Фронтом исламского спасения в Алжире в 90-е гг. XX в.), вызвала не просто гражданский протест, но именно поэтический плач, полный слез скорби - столько в нем сострадания к разрушенной войной жизни, уничтожившей здесь, на этом пространстве, саму идею, саму возможность миража, способность дать человеку ощущение грядущего счастья.

Неслучайно тунисская критика, сразу же откликнувшись на выход в свет книги Т.Бекри, сравнила его XXXIX песен с XL песнями знаме-

* О мотиве Пустыни в творчестве магрибинцев XX-XXI вв. подр. см. наши работы: Прожогина С.В. Между мистралем и сирокко. М., 1998; Прожогина С.В. Магрибинские лейтмотивы. М., 2018.

** О Тахаре Бекри подр. см. нашу работу «Тунисская элегия». М., 2017.

нитого французского поэта-символиста Лотремона (1846-1870), названными им «Песни пред-рассветной боли» (*Les Chants de Maldoror*, 1869), где звучит скорбная мелодия извечно страдающего человечества, никогда не испытующего радости встречи с Солнцем Рассвета, и гимн океану, могучему и древнему, способному избавить человека от всех несчастий и невзгод, поглотив его страдания, настойчиво зовущему его в свои бездны...

У Т.Бекри, как мне представляется, - всё наоборот: здесь важен не пафос страдания и даже не степень мастерства тунисского поэта, в чем-то напоминающего французского мэтра, но именно глубина образа самой Пустыни, противоположного океану, не отнимающего надежду человека на встречу с рассветом. Ведь *плач* поэта по Пустыне, сегодня утратившей свой Оазис, по Пустыне, залитой кровью, застланной черным дымом из жерл пушек танков, жаждущих раздавить сам простор, где рождаются *миражи счастья*, не лишает Человека искомой реальности иного мира или возможности встречи с ним. «Пустыня хороша тем, что в ней всегда отыщется Оазис», - писал всеми любимый Сент-Экзюпери, не только прозаик, но и военный летчик, не раз вынужденный «приземляться» в Сахаре, совершая свои полеты. Вот и поэт, моля древнюю Пустыню (*Vieil Désert*) *вернуть* горизонты счастья, наполнить их «прекрасными миражами», разорвать оковы опутавшей их железной проволоки лагерей, где укрываются люди, забывшие пути в «сады рая» (ведь зеленый Оазис - «проекция рая на земле», по поверьям жителей пустыни, знающих о нем и по Священному писанию...). Забвение это - как забвение самой души извечных поисков человечеством счастья. Именно это - главная утрата, принесенная войной, нанесшей увечье Пустыне, внушившей людям неуверенность в своих силах, вынудившей их бежать из своих домов, спастись от пуль террористов, от разрывов гранат.

Поэт не жалеет «красок ада», поглотившего Древнюю Пустыню, которую раньше лишь плавно пересекали караванные тропы, а теперь изрезали танки, не жалеет «огня» своих горячих слез, чтобы растопить боль раскаленных от гнева песков, обожженных не солнцем, но войной, песков, когда-то манящих вдаль, вселявших в человека радость надежды на встречу с «Красотой и Покоем» (именно такую формулу Оазиса услышала когда-то и я, посетившая Тозёр в Сахаре, пораженная немыслимым в Пустыне обилием трав и пальм, цветением фруктовых деревьев, в тени которых гостеприимные люди предлагали вам чай с мятой и сладости, означавшие благополучие и радость жизни...).

Теперь такое не привидится и в миражах, преследующих вас всю дорогу по пустыне. Ни нежных облаков, ни садов, ни журчащих в них ручьев - *нет неба* над желтым раскаленным простором. «Оно застлано дымом Войны, черными стягами, горькой пылью от полчищ ползущих танков». Исчезли «караваны любви» Древней Пустыни, «их песни, звон браслетов Возлюбленных, медленно кружащихся в танце на защищенных от ветров стоянках». Но война украла у Древней Пустыни не только ее «тайную душу», но и ее древний ритм жизни, стремящейся к Оазису, ее мелодию, ее правду, которую хранили из века в век люди, зная, что Пустыня, ее пески не поглотят, не «затянут» в свое раскаленное лоно человека, если он будет устремлен к открытому вдали горизонту, где будет непременно ждать Оазис, или он обязательно найдет его... Так обещали небеса, рождавшие прекрасные миражи.

Преодоление было целью героев многих книг магрибинцев. «*Люди, которые идут*» (так называлась книга алжирки М.Моккедем), - означало не просто движение, но именно продвижение к цели. «Неужели старые тропы караванов, шедших на встречу с Жизнью, стерлись теперь в море крови Войны, залившим Пустыню?! - восклицает поэт. Неужели исчезли навсегда лучезарные миражи в небе и опустились вечные сумерки?». «Как вымолить Дождь, что прольется над огнем снарядов, заглушит их вой и возродит былые песни, рождавшиеся на караванных тропах?»

Поэт страдает не только «от утраты былого», но и от того настоящего времени, которое исполнено угрозами, ненавистью, недоверием, - всем тем, что быть не может в Пустыне, которая «не радует человека трудностью Пути по ней, но и не воюет с ним, засыпая осколками гранат». Поэт вспоминает родной Оазис, где можно было укрыться в тени пальм от палящего солнца, но никогда еще сама Пустыня не покрывалась *сумерками*, на которые обрекла ее война. Если погас свет, то, значит, он залит кровью. И видя произошедшее в Сирии, поэт зовет человечество опомниться, восстать, прекратить резню и побоища, уничтожение городов и сел, «бесчинства и преступления», «развеять сумерки», растворить мучения в «горючих песках, мокрых от слез».

О чем грезит поэт, не желающий терпеть «горе Пустыни», слышать ее стоны, а не песни любви?

Зная, что преодоление безжизнью возможно только как преодоление смерти, которую сеют безумства тех, кто затеял «возрождение рабства», Поэт видит, как из «сумерек, опустившихся над жизнью», люди простирают руки навстречу солнцу, сотворяя ему розовый венок из тех каменных

цветов, что изредка рождаются в недрах Пустыни* и поражают невиданной красотой своей.

Поэт просит помощи у неба, моля его о мире, настраивая струны сердца «созвучно пению Меджуна», изливая горечь из души своей и оставляя в ней место отваге, желанию выстоять, вздохнуть и полной грудью запеть *песнь любви*, заставив забыть о грохоте войны.

Небольшая книжечка Т.Бекри, как бы продолжающая удерживать нити арабской страны, но написанная верлибром в ритме печальных размышлений об эпохе, окружающей нас сегодня и ежедневно напоминающей нам о том, что война не окончена, что где-то еще «гнездится», заставляет пережить читателя не только боль событий последнего десятилетия, но еще и не упасть духом, зная, что люди все равно «поднимутся и пойдут». Отыскивать и защищать свой Оазис. Свои мечты. Свою надежду. Уставшее от войн человечество нуждается не в предупреждениях, не в напоминаниях, но просто в утешении. Умиротворении. В вере в чудо реальности миражей.

«Сумерки Пустыни» - изящный в этом смысле букет из «*Roses de sables*», пусть окаменевших не от капель дождя, но от слез поэта цветов, рожденных в сердце того пространства, с которым всегда сопрягались мечты человека о счастье преодоления трудного пути.

«Что должен мираж Оазису», - спросил (утвердительно!) в названии своей недавней книги знаменитый алжирец Ясмينا Хадра [9]. Да то, что должен и новый день прошедшей ночи**, - обретение энергии веры в то, что человечество обязательно увидит рассвет. Что сумерки исчезнут, и что новый день, его солнце, принесет новую жизнь. Или не даст желанию угаснуть, чтобы увидеть ее... Но вспомнит иногда и о прекрасном, призрачном сне или снах, что жили, как хрупкие грезы в небесах над раскаленными песками или в редких, но нерушимых цветах из навсегда окаменевших кристаллов, рожденных Пустыней и Небом. Его слезами над вечными миражами счастья.

* Имеются в виду «*Roses de sables*» - «песчаные розы», образовавшиеся в результате кристаллизации и выветривания, когда редкие здесь дожди проливаются над пустыней.

** Так называлась одна из книг Ясмины Хадры: «*Ce que Le Jour doit à la Nuit*» (П., 2008). См. подр. нашу работу «В поисках Настоящего Времени». М., 2010.

Список литературы / References

1. Haddad Malek. Je t'offrirai une gazelle. П., 1959.
2. Dib Mohammed. Le Désert sans detour. П., 1992.
3. Djaout Tahar. L'invention du Désert. П., 1987.
4. Memmi Albert. Le Désert. П., 1977.
5. Mammeri Mouloud. La traversée. П., 1988.
6. Boudjedra Rachid. Timimoun. П., 1994.
7. Mokkedem Malika. Les homes qui marchent. П., 1990.
8. Bahéchar Souad. Ni fleurs, ni couronnes. П., 2000.
9. Hadra Yasmmina. Ce que le mirage doit à l'oasis. П., 2017.